

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ВЛАСТИ

Власть появилась с возникновением человеческого общества и сопутствовала его развитию, что нашло отражение в различных учениях о власти. На ранней стадии своего происхождения она носит мифологический характер. Согласно мифологическим мировоззрениям древних народов культивируется представление о божественном происхождении существующих властных отношений и порядка. В древней мифологии различно решается и освещается вопрос о способе и характере связи божественного начала с земными отношениями.

Божественный характер власти, правила поведения, законы – все это по тогдашним воззрениям соответствовало божественному порядку справедливости, получившему позднее формулировку как «теория естественного права».

Рационализация политических представлений, наблюдаемая в I тысячелетии до н.э., означала отход от мифологической идеологии, формирование научных подходов к проблеме власти.

Проблему власти в Древнем Китае решали на основе объединения практического применения власти с соответствующей научной теорией. Например, древнекитайский политический мыслитель Мо-Цзы утверждал: «...или они (правители) хотят надолго сохранить страну и не утратить власть, то почему они не используют почитание мудрости как основу управления государством?»[1;40].

Центральное место в этико-политических воззрениях древнекитайских философов занимает принцип «почитание мудрости». Мудрость есть, в частности, способность видеть общее за мозаикой отдельного, усматривать связи и закономерности между, по видимости, изолированными явлениями. В социальном плане мудрое поведение означает учет не только собственных частных интересов, но и интересов других людей, от которых зависит наше благополучие. Немудрые преследуют краткосрочную выгоду, не заботясь о более или менее отдаленных последствиях своих эгоистических действий; мудрые знают, что человеку так или иначе не уйти от социальной ответственности и заботы о нуждах общественного целого.

Учитель Мо-Цзы говорил: «Древние..., осуществляя управление, устанавливали степени добродетели и почитали мудрость, и хотя бы человек был из землепашцев, или кустарей, или торговцев, но если он обладал способностями, то его возвышали... Возвышали согласно общей справедливости, избегая корысти и предвзятости»[1;198].

А что требует наука о власти? Она учит нас тому, что добровольное повиновение лучше вынужденного – если от управляемых добиваются управления грубой силой, у них растет раздражение и недовольство, что не может не отразиться на качестве исполнения. К тому же у людей всегда достанет изобретательности, внешне повинаясь силе, втайне саботировать ее властные повеления, изобретать множество поводов, чтобы уклониться или тормозить дело. Поэтому власть должна быть не только проницательной, но и справедливой. Справедливость есть гарантия добровольного или добросовестного исполнения властных повелений со стороны исполнителей.

Как говорил Конфуций: «Если править с помощью закона...то народ остережется, но не будет знать стыда. Если править на основе добродетели..., народ не только устыдится, но и выразит покорность»[1;48].

Древнекитайские мудрецы отдавали себе полный отчет в том, что власть в государстве осуществляется не только силой, но и правдой – надежностью правительственного слова, твердостью принципов, достоверностью критериев отличия правового поведения от противоправного, честного от бесчестного. Правителям нередко кажется, что их специфической привилегией является возможность отступать от правды в пользу политической выгоды. Низам при этом отводится роль доверчивых простаков, верхам – хитроумных манипуляторов, то и дело меняющих местами истину и ложь. Но однажды прибегший ко лжи попадает от нее в вечную зависимость; он вынужден постоянно прятать

свое лицо, прибегать к уверткам, пользоваться услугами профессиональных лжецов. Эта трясина лжи, необратимо разрастаясь, способна засосать в себя все государство, неизбежно устремляющееся к собственной гибели.

Весьма радикальным и плодотворным был процесс рационализации первоначально религиозно-мифологических воззрений на власть в Древней Греции. Для древнегреческой политической мысли было характерно анализировать различные формы государственного устройства. Платон (427-347 до н.э.) в диалоге «Государство» рассматривает как единственно правильное, истинное государственное устройство аристократию, которая основана на четырех добродетелях – мудрости, мужестве, благоразумии и справедливости и реализуется на практике только при условии правления философов. Платона, правда занимает не только вопрос, возможно ли существование такого государства на земле, сколько выявление самих идеальных принципов, на которых должна основываться государственная власть.

Проведение на практике этих принципов, по мысли Платона, должно было способствовать реализации в сфере управления государства идеи блага – ключевого понятия всей платоновской философии. Реальное положение дел в греческих государствах убеждало философа в неизбежности извращения любого государственного устройства, основанного на идеальных принципах.

Описывая такой процесс предполагаемой деградации идеальной аристократии в тимократию (власть честолюбцев). Тимократический тип личности, в отличие от аристократического, «пожестче, менее образован...будучи властолюбив и честолюбив, он считает, что основанием власти должно быть не умение говорить или что-либо подобное, но военные подвиги и вообще все военное, потому-то он и любит гимнастику и охоту»[2;333].

Причем попустительство к худшему вначале проявляется в жизни верхних слоев общества. «Изменения в государстве обязаны своим происхождением раздорам, возникающим внутри той его части, которая обладает властью»[2;211]. Таким образом, эмансипаторский проект служб безопасности, сокрушающих строй тимократии изнутри, Платон оценивает весьма пессимистически. Это не освобождение общества, а освобождение стражей от всякой ответственности перед государством и народом, и своекорыстная приватизация того, что прежде находилось в общем достоянии. Так из тимократов возникают олигархи.

Олигархия – «это строй», основывающийся на имущественном цензе: у власти там богатые, а бедняки не участвуют в правлении...Установление имущественного ценза становится законом и нормой олигархического строя; чем более строй олигархичен, тем выше ценз...Такого рода государственный строй держится применением вооруженной силы ил же был еще прежде установлен путем запугивания»[2;335-336].

Но олигархическая диктатура меньшинства стремится не только физически запугать большинство, но усиленно насаждает в обществе угодную себе систему ценностей. Занявший общественную сцену олигархический человек «разве не возведет на трон свою алчность и корыстолюбие и не сотворит себе из них великого царя в тиаре и ожерельях... Кроме богатства и богачей ничто не будет вызывать у него восторга и почитания, а его честолюбие будет направлено лишь на стяжательство и на все, что к этому ведет»[2;339].

Далее происходит, что отдельные части государства, начиная с верхней, властвующей, стремятся эмансипироваться от служения целому. Этой эмансипации сопутствует смена лучших сторон человеческой души, связанных с мудростью (мудрость есть умение видеть целое), героизмом и самоотверженностью, худшими, которые постепенно получают преобладание, определяя весь стиль и строй общественной жизни.

Платон вот как описывает следующую фазу государственной деградации:

– Олигархия переходит в демократию примерно следующим образом: причина здесь в ненасытной погоне за предполагаемым благом, состоящим якобы в том, что надо быть как можно богаче.

К тому же роскошь и праздный образ жизни меньшинства богатых людей значительно ослабляют их способность удерживать свою власть. В этих условиях на смену олигархии приходит форма правления, при которой государственная власть принадлежит народу, - демократия.

Основная ценность демократии – свобода. Однако народ, по Платону, не может разумно пользоваться этой ценностью и «сверх должного опьяняется свободой»[2;379]. В результате наступает хаос и анархия.

Все это ведет к замене демократии тиранией – «властью одного над всеми». Платон подробно рассматривает свойство «тиранического человека», его цели и вожделения, которые нередко проявляются, «откинув всякий стыд и разум»[2;391]. При тирании свобода личности максимально ограничивается, тем самым ограничивается творческое проявление ее способностей. Жизнь большинства людей предельно ухудшается, что приводит к обострению противоречия между тираном и народом.

Основной пафос учения Платона о государстве – внушить людям понимание необходимости выбрать такую форму власти, которая в той или иной степени отвечала бы интересам большинства людей, обеспечила бы им необходимые условия для достойной жизни и всестороннего развития.

Исследование проблемы власти в области государственного управления продолжил Аристотель. Подобно Платону Аристотель считал, что государство «существует ради достижений благой жизни»[3;6-7].

Достижение такой жизни отнюдь не мешает, по Аристотелю, отношения господства и подчинения. Он считал такие отношения вполне естественными, берущими начало из семейных отношений, где глава семьи господствует над остальными ее членами, а также над рабами, оказавшимися под его властью. Все это – изначальные проявления социального господства. Власть же политического деятеля в государстве есть власть не только над рабами, но и над «свободными по природе людьми»[3;17]. При этом Аристотель обращал внимание на то, что власть одних людей над другими немалой степени определяется отношениями собственности. Это заставляло многих людей «наживать состояния».

Аристотель говорит о «правильных» и «неправильных» формах государственно устройства. К «правильным» он относит монархию, аристократию и полицию. В этих случаях верховная власть принадлежит соответственно одному человеку, слою благородных аристократов или же большинству общества, правящих исходя из общественной пользы.

При «неправильных» формах государственно устройства правители исходят прежде всего из своих эгоистических интересов. К таким формам Аристотель относит тиранию, олигархию и демократию. Тиранию он истолковывает как отклонение от монархии. Власть тирана направлена на осуществление его эгоистических интересов при полном игнорировании интересов всех слоев общества. Олигархия выступает как отклонение от аристократии и выражает интерес немногочисленной группы богатых людей.

Демократия же истолковывается Аристотелем как отклонения от политики: «В политике наивысшая власть сосредоточена в руках военного сословия»[3;112]. Однако осуществляется она в интересах широких слоев общества. К тому же «полития» олицетворяет собой не только богатство, но и свободу. Таким образом, в «политии» сочетаются элементы аристократии, олигархии и демократии. «Принципом аристократии служит добродетель, олигархии – богатство, демократии – свобода»[3;172]. Демократия, будучи отклонением от политики, выступает как власть толпы, преследующей свои сиюминутные низменные интересы. При этом свобода превращается в анархию, становится невозможным разумное управление обществом, из-за чего теряется перспектива его развития

По Аристотелю, в интересах общества следует всячески избегать неправильных форм государственно устройства и устанавливать правильные.

Важной проблемой более позднего времени была борьба за верховность власти между церковной властью и светской. Отрицание божественного, сверхприродного происхождения власти, святости ее институтов, низведения их до уровней земных, обыденно-житейских дел, до «грешной» природы человека выступала для мыслителей Возрождения как оружие в борьбе за автономизацию социально-политического процесса, входило в комплекс основных идей гуманизма. Так, Н.Макиавелли (1469 – 1527 гг.) стремился отделить реальную политическую деятельность от религиозных оснований, исследовал власть как отношение властвующих и подвластных, ее устройство, учреждение законов. Симпатии Н.Макиавелли на стороне умеренной республики, или «смешанной» формы государства, которая сочетает

демократический, аристократический и монархический элементы власти и является более прочной по сравнению с «простыми» формами.

Ради укрепления государства Макиавелли считал возможным применять любые способы. Своими рассуждениями он подводит к выводу, что все средства дозволены для достижения политических целей. Он писал о полезных для государя способах осуществления государственной власти. Прежде всего, благоразумному государю следует избегать тех пороков, которые могут лишить его государства, от остальных же воздерживаться по мере сил, но не более[4].

Макиавелли призывал государей «не бояться...обвинений в тех пороках, без которых трудно удержаться у власти»[4;46]. Так, например, хорошо иметь славу щедрого государя. Однако щедрость может истощить казну и тем самым повредить государству, поэтому государь не должен быть слишком щедрым. Он также не должен быть слишком добрым и злоупотреблять милосердием, ибо это может помешать ему удержать подданных в повиновении. Макиавелли задает вопрос: «Что лучше: чтобы государя любили или чтобы его боялись?» И отвечает, что лучше, если государя будут бояться, но чтобы при этом страх не породил ненависти к нему подданных, «ибо вполне возможно внушать страх без ненависти»[4;49-50].

Должны ли государи держать слово? Ответ: да, но пока это им выгодно:

...Разумный правитель не может и не должен оставаться верным своему обещанию, если это вредит его интересам.

К тому же «благовидный предлог нарушить обещание» всегда найдется:

Великие дела удавались лишь тем, кто не старался сдержать данное слово и умел, кого нужно, обвести вокруг пальца; такие государи, в конечном счете, преуспевали куда больше, чем те, кто ставил на честность.

И как вывод:

Надо являться в глазах людей сострадательным, верным слову, милостивым, искренним, благочестивым – и быть таковым в самом деле, но внутренне надо сохранять готовность проявить и противоположные качества, если это окажется необходимо[4;52-53].

Приведенные выше морально-психологические установки политической деятельности вполне укладываются в формулу: «Для достижения цели все средства хороши». Со временем лживость, лицемерие и вероломство в политике стали называть макиавеллизмом.

К вопросам власти, ее источникам обращались представители западноевропейской мысли Т.Гоббс (1588-1679 гг.) и Д.Локк (1632-1704 гг.). Власть государства по Гоббсу есть следствие общественного договора, который раз и навсегда ограничивает губительное стремление людей к осуществлению своей индивидуальной власти. Эта власть, отчуждаемая от «естественного человека» и приобретающая самостоятельное существование, продукт не природных, а сознательных человеческих установлений.

Так, по Гоббсу, из договора «всех со всеми» появляется «великий Левиафан» (всемогущее чудовище); имя его – государство. Люди передают ему свои права, несут перед ним определенные обязанности. Он же в своем государственном лице представляет всех граждан данной страны и действует от их имени.

По словам Гоббса, государство представляет собой «соединение всех в одно лицо». Этим «лицом» может быть либо монарх, либо представительный орган аристократической или демократической республики – соответствующее государственное собрание. Соответственно им признавались три формы государства: монархия, где верховная власть принадлежит одному человеку, аристократия – верховная власть принадлежит собранию известного числа граждан и демократия – верховная власть принадлежит собранию всех граждан без исключения[5;121].

Государственная власть характеризуется как абсолютная и безусловная, ей обязаны полностью и беспрекословно подчиняться все граждане данной страны. Со своей стороны она использует свою силу и авторитет для создания необходимых условий нормального существования своих граждан, обеспечения их внутренней и внешней безопасности.

Д.Локк, в отличие от Гоббса, рассматривал власть как средство к обеспечению такого гражданского состояния, которое в наибольшей мере соответствует естественной природе человека.

Он исходил из того, что в своем естественном состоянии люди, будучи равными, не используют друг друга в своих корыстных целях. Поэтому следствием естественного равенства и естественной свободы людей является не «война всех против всех», а сотрудничество, в основе которого лежит признание каждым человеком естественного права других людей. При этом «нет никакого превосходства и юрисдикций одного над другим»[6;8]. В естественном состоянии «всякая власть и всякое право являются взаимными, никто не имеет больше другого». И поскольку все люди равны и независимы, то «ни один из них не должен наносить ущерб здоровью, свободе или собственности другого»[6;6-7].

Локк выделял такие формы государства, как демократия (власть большинства), олигархия (власть нескольких избранных лиц и их наследников или преемников) и монархия (власть одного лица). Но он выступал против абсолютной монархии, сторонником которой был Гоббс, обосновывал преимущества конституционной парламентской монархии, сочетающей, по его мнению, черты традиционной монархии и республики (конституционные ограничения власти монарха, функционирование парламента, обеспечение конституционных прав граждан и т.д.).

Немаловажное значение придавал Локк осуществлению принципа разделения властей на законодательную, исполнительную и федеративную. Высшей из них является законодательная власть, которая определяет, «как должна быть употреблена сила государства для сохранения сообщества и его членов»[6;83]. Исполнительная власть обязана исполнять законы. Она является «подчиненной и подотчетной законодательной власти и может быть по желанию изменена и смещена»[6;87]. Федеративная власть должна заниматься внешними сношениями данного государства и обеспечением его внешней безопасности.

Важно отметить, что, по Локку, источником политической власти в стране и ее верховным сувереном является не правительство, а нация, народ. И народ может сместить правительство, если оно не обеспечивает должного исполнения законов и его конституционных прав.

Своеобразие в анализе проблемы власти обнаруживается у И.Канта, И.Фихте, Г.Гегеля, русских мыслителей А.Герцена, Н.Чернышевского, В.Соловьева, Н.Бердяева и др.

Вопросам власти вообще и власти политической, в частности, сейчас уделяется пристальное внимание, как в средствах массовой информации, так и работах отечественных политологов.

Действительно, тема власти стала широко разрабатываться как публицистами, так и учеными. Особенно отрадно, что появилась масса изданий, знакомящих с зарубежной политологической мыслью. Хотя еще рано говорить о наличии фундаментальных исследований по этому вопросу у отечественных политологов, диапазон этих исследований достаточно широк и очень интересен.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антология мировой политической мысли. – М., 1997.- Т.1.- С.40, 198, 48.
2. Платон. Собрание сочинений. В 4 т.- Т.3. – М., 1994.- С.333, 211, 335-336, 339, 379, 391.
3. Аристотель. Политика. – М., 1911.- С.6 –7, 17,112,172.
4. Макиавелли Н. Государь. – М.: Планета, 1990.- С.46, 49-50, 52-53.
5. Гоббс Т. Левиафан, или О сущности и форме власти. – СПб., 1868.- С.121.
6. Локк Дж. О государственном правлении // Изб. философ. произв.- В 2т.- Т.2. – М.: Соцэкгиз, 1960.- С.8, 6-7, 83,87.